

ГОТОВИМСЯ К УРОКУ

И.А. Семухина

КАРТИНА «ВЕЛИКОГО ВСЕМИРНОГО ЗРЕЛИЩА»: НАРОДНОПОЭТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ В «СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКЕ» С.Т. АКСАКОВА

Знакомство учащихся с творчеством С.Т. Аксакова предусмотрено рядом программ по литературе в среднем звене общеобразовательной школы (напр., программы Т.Ф. Курдюмовой, М.Б. Ладыгина). В 6-7 классах предлагается изучение двух произведений писателя – «Детские годы Багрова внука» и «Буран». Выбор аспекта анализа данных художественных текстов (специфика героя и роль пейзажа) вполне оправдан задачами изучения литературы на определенном возрастном этапе. С другой стороны, ограничение внимания к С.Т. Аксакову рамками указанных классов и узконаправленным анализом не позволяет сформировать отчетливое представление школьников о своеобразии творчества писателя, а также о его роли в развитии русской литературы и культуры в целом.

Сергей Тимофеевич Аксаков (1791-1859) занимает особое место в истории русской культуры не только благодаря своему литературному творчеству. В доме Аксаковых несколько десятилетий подряд регулярно собиралось множество писателей, журналистов, ученых и театральных деятелей (М.С. Щепкин, М.Н. Загоскин, М.П. Погодин, А.А. Шаховской, Н.И. Надеждин, В.Г. Белинский, Н.В. Гоголь, А.И. Герцен, И.С. Тургенев и многие другие). Постепенно этот круг пополнялся славянофилами (А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, Ю.Ф. Самарин) и в 1840 годах дом Аксаковых становится центром славянофильства в Москве. С.Т. Аксаков не был таким активным защитником славянофильских идей, как его дети (Константин и Иван), но ему была близка приверженность славянофилов к национальным традициям, русской старине, народным обычаям.

К написанию литературных произведений Сергей Тимофеевич обратился лишь на закате жизни. Помещичий быт имения в Абрамцеве, страсть к охоте и рыбалке пробудили в нем стремление описать свои наблюдения над жизнью, которые превратились в охотничьи циклы, где художник сразу же предстал прекрасным пейзажистом. Уже первая книга – «Записки об уженье рыбы» (1845) – была проникнута особым аксаковским «чувством природы», даже своеобразной философией: «не оскорбленная людьми жизнь природы» воссоздавалась автором как «мир спокойствия и свободы». Именно в природе писатель видел основу сближения людей, духовного оздоровления общества. Н.В. Гоголь, прочитав рукопись второй «охотничьей» книги – «Записки ружейного охотника Оренбургской губер-

нии», – заметил, что «никто из русских писателей не умеет описывать природу такими сильными и свежими красками, как Аксаков». «Такой книги у нас еще не бывало», – напишет автору восхищенный И.С. Тургенев и начнет создавать свои, ставшие впоследствии всемирно известными, «Записки охотника».

Мировую славу Аксакову принесла мемуарно-биографическая трилогия, «воспоминания прежней жизни» – «Семейная хроника», «Воспоминания» (1856) и «Детские годы Багрова внука» (1858), где писатель раскрыл историю трех поколений семьи Багрова: историю жизни своего деда, родителей и своей собственной. Эта трилогия сделала Аксакова одним из самых признанно-автобиографичных писателей мировой литературы. Своеобразие своего художественного таланта и особенности реализма Сергей Тимофеевич определил так: «Заменить действительность вымыслом я не в состоянии. Я пробовал несколько раз писать вымышленные происшествия и вымышленных людей. Выходила совершенная дрянь, и мне самому становилось смешно».

Талант Аксакова ярко заявил о себе уже в первой части трилогии – «Семейной хронике». Пожалуй, ни в одном другом произведении русской литературы мы не найдем более полной художественной картины помещичьей жизни. Неслучайно М.М. Пришвин сказал: «Аксаков – это наш Гомер...». Каждая страница этой книги проникнута любовью к прошлому, к своему родному краю, родовым корням, семейным преданиям. Поэтому сегодня, в условиях обостренного внимания к проблемам воспитания, формирования личности, утраты теплоты человеческих отношений, истории семьи и сохранения ее традиций, Аксаков звучит как нельзя более актуально.

«Семейная хроника» наметила новые пути развития романного жанра и послужила образцом для будущих поколений писателей. Жанрово-стилевые новации Аксакова не могли остаться незамеченными современниками. И.С. Тургенев писал о «Семейной хронике»: «Вот он, настоящий тон и стиль, вот русская жизнь, вот задатки русского романа». Открытия Аксакова будут по-своему продолжены не только величайшими романистами XIX века (Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев, И.А. Гончаров, Ф.М. Достоевский, М.Е. Салтыков-Щедрин), но и писателями XX века (М. Горький, И.А. Бунин, И.С. Шмелев, В.П. Аксенов).

Варианты включения предлагаемого материала в систему работы учителя могут быть различными. Немало возможностей содержат базовые програм-

---

Ирина Александровна Семухина – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Уральского государственного педагогического университета (г. Екатеринбург).

мы, акцентирующие внимание в каждом классе на какой-либо теоретико-литературной проблеме. Изучение «Семейной хроники» легко вписывается, например, в следующие разделы: «Русская литература XIX века и ее традиции» (программа под ред. А.Г. Кутузова, 8 класс), «Развитие литературы классического реализма. 50–70-е гг. – расцвет русского реалистического романа» (программа углубленного изучения литературы под ред. М.Б. Ладыгина, 10 класс). Еще большие перспективы, конечно, открываются в ходе освоения различных *элективных курсов*: «История русского романа XIX века», «Семейная хроника в русской литературе XIX–XX веков», «Фольклорные традиции в русской литературе», «Искусство анализа художественного текста», «Поэтика художественного произведения» и другие.

«Семейная хроника» вышла в свет в 1856 году, но создавать ее автор начинал намного раньше – с 1820-х годов. Аксаков не только публиковал фрагменты будущей книги, но и рассказывал свою «хронику» близким, то есть постоянно творил ее устно. Одним из благодарных слушателей стал Гоголь, который настойчиво требовал записать эти устные рассказы, уверяя автора, что без его хроники не сможет завершить свои «Мертвые души». Только на шестом десятке лет Сергей Тимофеевич полностью отдается написанию книги, точнее не написанию (поскольку был уже полуслепым), а ее диктованию любимой дочери Вере. Так была сотворена «Семейная хроника».

Воспоминания Аксакова о своей семье в «Семейной хронике» состоят из пяти фрагментов, в каждом из которых представлена самостоятельная законченная история из жизни семьи Багровых. Мы не найдем здесь единой фабульной линии и последовательной хронологии. Поэтому в критике и литературоведении предлагались самые разные жанровые определения произведения: исторический роман (Н.П. Гиляров-Платонов), мемуары (Г.А. Бялый, С.И. Машинский, В. Кожин), семейная хроника (В.А. Дашевский, И.П. Видуэцкая, А.М. Грачева)¹. Одним из главных аргументов для последнего определения, конечно, стало заглавие, данное самим автором. По справедливому утверждению Н.А. Николаевой, Аксаков, безусловно, ориентировался на предшествующую традицию жанра. Типологически близкими «Семейной хронике» могли быть семейные и автобиографические записки, распространенные в дворянской среде конца XVII–XIX веков². На-

ряду с этим интерес Аксакова к национальным традициям, русской старине и особенность написания (диктование) произведения привели к тому, что «Семейная хроника» создавалась не только по литературным законам, но и по законам устного народного творчества.

Фольклорные традиции в книге Аксакова особенно ярко проступают в первом фрагменте – «Степан Михайлович Багров», на котором мы и сосредоточим наше внимание.

Обращение писателя к народно-поэтическим формам и приемам, конечно, неоднократно попадало в поле зрения литературоведов (напр., С.И. Машинского, В. Кожина, В.А. Дашевского). Наиболее интересные наблюдения в изучении этого вопроса в последние годы были сделаны Н.А. Николаевой. Уже в первой главе – «Переселение» – исследователь увидел использование автором традиции жанра былины³. Действительно, повествование о далеком прошлом Багровых носит торжественный эпический характер: рассказывается о грандиозном событии в истории рода – переселении семьи на новые территории. Согласно былинному принципу малособытийности, поддерживающему жанровую установку на достоверность, в первом фрагменте хроники описания грандиозных картин природы занимают гораздо больше места, чем повествование о событиях. Ощущение величественности, масштабности пространства создается при помощи подробных описаний, повествований о передвижениях героя (Симбирская губерния, Уфимское наместничество, Бугурусланский уезд), постоянных эпитетов (степь – бескрайняя), горы – «крутые» и т.д.). Нельзя не согласиться с Н.А. Николаевой в том, что масштабностью и разомкнутостью характеризуется не только пространство, но и время «Семейной хроники»: разомкнутое в прошедшее и в будущее, оно вмещает не одну эпоху. Об этом свидетельствуют первая и последняя фразы «Переселения»: «Тесно стало жить моему дедушке в родовой отчине своей, жалованной его предкам от царей московских» (7)⁴; «На другой день затолкла толчае, замолола мельница и толчет и мелет до сих пор...» (17).

Основой практической части школьного урока может стать текстуальный анализ главы «Оренбургская губерния».

Глава «Оренбургская губерния» – это цельное лирическое описание природы, благословенного в прошлом края. Значение данного пейзажа заключается не просто в воспевании русской природы. Содейная конкретику средней полосы России с гиперболизацией, автор создает величественную, масштабную, идеальную картину прошлого: «Боже мой, как, я думаю, была хороша тогда эта дикая, девст-

¹ Гиляров-Платонов Н.П. «Семейная хроника» и Воспоминания С.Т. Аксакова // Гиляров-Платонов Н.П. Собр. соч.: В 2 т. – М., 1899. Т. 2. С. 75–143; Бялый Г.А. С.Т. Аксаков // История русской литературы: В 10 т. Т. 7. – М.; Л., 1955; Машинский С.И. С.Т. Аксаков. Жизнь и творчество. – М., 1973; Кожин В. «Семейная хроника» С.Т. Аксакова // Литература в школе. 1995. № 1. С. 19–25; Дашевский В.А. Семья и история (к проблеме традиции и новаторства в жанре семейной хроники) // Человек и общество. Сб. статей. – Свердловск, 1966. С. 5–32; Видуэцкая И.П. «Пошехонская старина» в ряду семейных хроник русской литературы // Салтыков-Щедрин. 1826–1976. – Л., 1976; Грачева А.М. «Семейные хроники» начала XX века // Русская литература. 1982. № 1. С. 64–76.

² См. об этом подробно: Николаева Н.А. Трансформация жанра семейных записок XVIII–XIX вв. в «Семейной хронике»

С.Т. Аксакова // Материалы к Словарю сюжетов и мотивов русской литературы. Вып. 6. – Новосибирск, 2004. С. 64–82.

³ Николаева Н.А. Фольклорные мотивы в «Семейной хронике» С.Т. Аксакова // Гуманитарные науки в Сибири. – Новосибирск, 2001. № 4.

⁴ Здесь и далее цит. по: Аксаков С.Т. Детские годы Багрова-внука. Семейная хроника. Воспоминания. Неоконченные произведения. – М.: Эксмо, 2007.

венная, роскошная природа!.. Нет, ты уже не та теперь, не та, какую даже и я знал тебя – свежую, цветущую, неизмятою отсюда набежавшим разнообразным народонаселением! Ты не та, но все еще прекрасна, так же обширна, плодоносна и бесконечно разнообразна, Оренбургская губерния!..» (17). Величие, изобилие уральского края подчеркнуто множеством фольклорных приемов: риторическими средствами (восклицания, обращения, синтаксический параллелизм), выразительными эпитетами (*прекрасен, чудесен* край; *многоводны и многообильны* реки; *тучные, черноземные, роскошные* поля и луга; *обильная* жатва), нанизыванием однородных членов, перечислением богатств («многообильны разнообразными породами рыб твои реки... все породы форелей... многочисленны конские табуны, и коровьи, и овечьи стада... всеми металлами богатая...» и т.д.), сравнениями (реки текут – «подобно яхонтам, нанизанным на нитку»; озера – «светлы и прозрачны, как глубокие, огромные чаши» и т.п.).

Гиперболизация, идеализация в описании прошлого Багровых создает картину сказочного благополучия: «в несколько лет гүмна Нового Багрова занимали втрое больше места, чем сама деревня», «рожь была с человека вышиною и стояла как стена», «кушаний готовилось впятеро более, чем было нужно» и т.п. Примечательно описание одного из праздничных обедов Багровых: «О столовых припасах нечего и говорить: поеный шестинедельный теленок, до уродства откормленная свинья и всякая домашняя птица, жареные бараны – всего было припасено вдоволь. Стол ломился под кушаньями, и блюда не умещались на нем... История началась с холодных кушаний: с окорока ветчины и с буженины, прошипованной чесноком; затем следовали горячие: зеленые щи и раковый суп, сопровождаемые подовыми пирожками и слоеным паштетом; непосредственно затем подавалась ботвинья со льдом, с свежепросольной осетриной, с уральским балыком и целою горою чищенных раковых шеек на блюде; соусов было только два: с солеными перепелками на капусте и с фаршированными утками под какой-то красной слизью с изюмом, черносливом, шепталой и урюком... Потом показались чудовищной величины жирнейший индюк и задняя телячья нога, напутствуемые солеными арбузами, дынями, мочеными яблоками, солеными груздями и опенками в уксусе; обед заключился кольцами с вареньем и битым или дутым яблочным пирогом с густыми сливками. Все это запивалось наливками, домашним мартовским пивом, квасом со льдом и кипучим медом. И всё это кушали, не пропуская ни одного блюда, и всё благополучно переносили гомерические желудки наших дедов и бабок!» (165).

Таким образом, воспоминания об идиллическом прошлом в поместье Багровых наполнены ощущением полноты жизни, гармонии, изобилия, сытости. Этим настроением охвачено изображение истории семьи, включающей в себя несколько поколений. Родовое начало хроники обуславливает внимание автора к образу родового имени, «родового гнезда». Образ дома у Аксакова приобретает хроно-

топическое значение: в этом пространстве сконцентрировано время – «гнездо своих дедов и прадедов» (9). Именье Багровых, где протекает жизнь героев, представляет собой уютное, защищенное пространство на лоне живописной природы: прозрачная извилистая река, небольшой дом, «шум мельницы», «свист соловьев», «темные леса» и т.д. Так возникает идиллия защищенного от внешнего мира обетованного уголка, где счастливо живут добрые люди в атмосфере безмятежных вечеров, прогулок, чтения, игр, семейных обедов, собирающих в единое целое все семейство.

Но фольклорные традиции не отменяют социально-исторической конкретики «Семейной хроники». Время основных событий в произведении – последняя треть XVIII века. В начале хроники автор не просто рассказывает о частном случае переезда семьи, а создает широкую картину помещичьего быта, так как переезжает Степан Михайлович со всем хозяйством, с чадами и домочадцами, с крепостными крестьянами числом 180 душ. И это напоминает автору великое переселение народов. Степан Михайлович преследует свои личные интересы, но автор подчеркивает драматизм судьбы крестьян: «...нагрузив телеги женами, детьми, стариками и старухами, прикрыв их согнутыми лубьями от дождя и солнца, нагромоздив необходимую домашнюю посуду, насажав дворовую птицу на верхи возов и привязав к ним коров, потянулись переселенцы, обливаясь горькими слезами, навсегда прощаясь с стариною, с церковью, в которой крестились и венчались, с могилами дедов и отцов» (14). Крестьяне вынуждены дешево распродать скот, избы и тащиться на телегах незнамо куда – «в неизвестную басурманскую сторону».

Выражение «тесно стало» было понятно современникам Аксакова. Еще совсем недавно, с середины XVIII века, начиналось масштабное освоение восточных российских земель. Аксаков изобразил переселяющуюся Россию как расширяющийся самобытный мир, который собирает в единое целое новые земли, приспосабливается к их особенностям, в результате чего возникал особый евразийский мир.

Сложная эпическая картина мира включает в себя непростых героев. Главный герой хроники – Степан Михайлович Багров – несет в себе черты и эпического героя, и помещика. Влияние канон устного народного творчества обнаруживается в статичности, завершенности большинства образов хроники. Аксаков не показывает процесс формирования своих героев. Образ старика Багрова неизменен на протяжении всего повествования и задан с самого начала: это широкая натура, он мудрый хозяин и семьянин, глава рода. Исследователи давно заметили, что в первом отрывке в изображении героя преобладают былинные традиции. Герой связан с землей, «спит богатырским сном», его широкая натура требует приволья, простора (этим и вызвано переселение). В портрете Степана Михайловича много общего с изображением былинного богатыря: он «был небольшого роста; но высокая грудь, необыкновенно широкие плечи, жилистые руки, каменное, мускулистое тело обличали в нем силача. В

разгульной юности, в молодецких потехах кучу военных товарищей, на него нацеплявшихся, страхивал он, как брызги воды стряхивает с себя коренастый дуб после дождя, когда его качает ветер», «разбойники знали его в лицо и боялись как огня» (10).

В главах – «Новые места», «Добрый день Степана Михайловича» – величественность, масштабность повествования сменяются бытовыми зарисовками, хронотоп сужается до рамок одного дня в пределах замкнутого пространства деревенской усадьбы. На первый взгляд, перед нами картина патриархальной идиллии – помещичье изобилие, гармония семейных отношений: дети почитают родителей, жена уважает мужа, глава семьи – строгий, но справедливый муж и отец, мудрый хозяйственник; соблюдение традиций утреннего и вечернего чаепития, сытного обеда. Казалось бы, идиллия охватывает и взаимоотношения крестьян и хозяев-помещиков: по случаю приезда молодых в Багрово крестьянам раздаются подарки, их приглашают к трапезе за отдельный стол, каждого допускают поцеловать ручку молодых помещиков, при знакомстве с которыми старший Багров многих крестьян называет по имени (поэтому процедура затягивается на полдня). Но герои не ограничиваются чертами идиллических патриархальных помещиков. Багровы наделяются и социально-исторической конкретикой.

В создании образов героев Аксаков-реалист проявил себя как прекрасный психолог. В отличие от других писателей-славянофилов у автора «Семейной хроники» мы не найдем чисто положительных и отрицательных персонажей. Степан Михайлович Багров – сложный и противоречивый характер, у которого, по словам автора, есть свои «светлая» и «темная» стороны. Наряду с внешним богатством в герое подчеркнуты такие качества, как ясный природный ум, честность, верность своему слову (его обещание считалось «крепче и святее всяких духовных и гражданских актов»), поэтому неслучайно Багров завоевал на новом месте «общую любовь и глубокое уважение во всем околотке» и «крестьяне любили горячо такого барина». Но этот добрый, простодушный человек мог мгновенно преобразиться и впасть в страшный гнев. Вспышки гнева «искажали в нем образ человеческий и делали его способным на ту пору к жестоким, отвратительным поступкам» (24), превращая в «дикого зверя». Хотя так же быстро он остывал, вновь приобретая человеческое лицо.

Автор описывает несколько случаев внезапного гнева Багрова. Однажды он рассердился на одну из дочерей за обман: «...он весь дрожал, лицо дергали судороги, свирепый огонь лился из его глаз, помутившихся, потемневших от ярости! «Подайте мне ее сюда!» – вопил он задыхающимся голосом...» (24). Разъяренный, он таскал за волосы кинувшуюся ему в ноги бабушку, Арину Васильевну (в это время все остальное семейство убежало в рощу, где и заночевало). После случившегося обессиленный Багров упал на постель и заснул мертвым сном, а утром снова стал «светел и ясен» и «во вчерашнем диком звере сегодня уже проснулся человек». Второй слу-

чай: узнав о тайном замужестве младшей сестры Параша, Степан Михайлович устроил в доме такое, после чего «старшие дочери долго хворали, а у бабушки не стало косы и... целый год ходила она с пластырем на голове» (47). Поэтому не удивляет читателя, например, и реакция домочадцев на своеобразную заботу Багрова о младшей дочери Татьяне, услышавшего, что она «всю ночь металась»: «Танюша была меньшая дочь, и старик любил ее больше других дочерей, как это часто случается; он обеспокоился такими словами и не приказал будить Танюшу до тех пор, покуда сама не проснется. Татьяну Степановну разбудили вместе с Александрой и Елизаветой Степановнами, и она уже оделась; но об этом сказать не осмелились. Танюша проворно разделась, легла в постель, велела затворить ставни в своей горнице и хотя заснуть не могла, но пролежала в потемках часа два; дедушка остался доволен, что Танюша хорошо выпалась» (28-29).

Автору многое нравится в герое – справедливость, широта души, хозяйственность и т.д. Но в то же время представления Багрова о добре и зле искажены, спутаны. При всех своих «светлых» сторонах Степан Михайлович – крепостник. Причина его произвола, противоречий характера кроется в социальных устоях крепостнической системы. Герои Аксакова поражают своими крайностями, стихийностью характера. Соединение светлого и темного начал предстает в художественном мире «Семейной хроники» и как неразрешимая загадка русской души, русской природы.

Как реализм Аксакова сочетается с фольклорной идеализацией и гиперболизацией? Свободное использование в «Семейной хронике» различных народнопоэтических традиций объясняется особенностями сознания повествователя, вобравшего в себя национальную фольклорную стихию. Фигура повествующего лица выполняет в произведении организующую роль – это Сергей Багров (внук Степана Михайловича), прототип которого – Сергей Тимофеевич Аксаков. Субъективно-экспрессивная манера личного повествователя в романе-хронике приближена к речи рассказчика, и повествование ведется как живой устный рассказ. Именно логика личных воспоминаний объясняет в повествовании возможность повторов, нарушения хронологии, различных вставок, лирических отступлений или обращений к читателю. Лирические отступления в «Семейной хронике» порой превращаются в самостоятельную новеллу (как, например, в гл. «Оренбургская губерния»).

С одной стороны, автор называет себя «бесстрастным передатчиком семейных преданий», который «решился напечатать» записанные им рассказы. Но в то же время он не стремится сохранить все факты жизни Багровых, а выстраивает «отрывки» семейной истории по своему замыслу. Эстетическая позиция автора «Семейной хроники» раскрывается в заключительном лирическом отступлении: «Прощайте, мои светлые и темные образы, мои добрые и недобрые люди, или, лучше сказать, образы, в которых есть и светлые и темные стороны, люди, в которых есть и доброе и худое! Вы не великие герои, не

громкие личности; в тишине и безвестности прошли вы свое земное поприще и давно, очень давно его оставили: но вы были люди, и ваша внешняя и внутренняя жизнь так же исполнена поэзии, так же любопытна и поучительна для нас, как мы и наша жизнь в свою очередь будем любопытны и поучи-

тельны для потомков» (213). Аксаков-реалист был убежден в том, что через заурядные явления и характеры ничем не примечательных, «безвестных» героев можно раскрыть глубинные процессы человеческой жизни, воссоздать, по словам писателя, картину «великого всемирного зрелища».